

оригинальная статья

УДК 81-362

Родовые корреляты как элиминация лакун*

Оксана М. Акай^{a, @, ID}^a Ростовский государственный экономический университет, 344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, Большая Садовая улица, 69

@ oksanaakay@gmail.com

ID <https://orcid.org/0000-0003-2773-5384>

Поступила в редакцию 05.03.2019. Принята к печати 11.06.2019.

Аннотация: На сегодняшний день можно констатировать большой разброс представлений о лакунах. Это знак, фиксирующий принцип наличия / отсутствия объекта или явления; феномен отсутствия в дискурсе, дискурсивные пропуски; различия, противоречия в смысловой сфере, выявляемые в коммуникации, акты непонимания; безэквивалентная лексика, реалии, белые пятна на семантической карте; нулевой коррелят, темные места; национально-специфические расхождения между языками; виртуальные единицы и т. п. Если считать, что лакуна не плод воображения, а единица, объективно существующая в языке, то становится очевидным: невозможно мысленно вставлять в систему языка бесконечное число чуждых единиц и на этом основании находить в ней лакуны. Идеи разноуровневой лакунарности множатся в работах, связанных с переводоведением и межкультурной коммуникацией. Особого внимания заслуживают грамматические лакуны, проявляющиеся в гендерном языковом членении. Женские родовые корреляты одушевленных имен мужского рода продуктивно анализировать как интраязыковые грамматические лакуны. Исследование этих форм в парадигме теории лакунарности позволяет сосредоточить внимание на их прагматических свойствах, поскольку системное отсутствие языковых единиц способствует прояснению их лингвопрагматических характеристик. При изучении родовых коррелятов как элиминации лакун были использованы следующие методы: метод привативных оппозиций, когда рассматривались изменяемые / неизменяемые лексические единицы, метод моделирования и психолингвистический метод, с помощью которого исследовались фрагменты языкового сознания у носителей языка и выявлялось наличие в семантике слов психологического компонента. Продуктивность и значимость элиминированных лакунарных форм для языкового сознания определяется рядом экстралингвистических факторов.

Ключевые слова: грамматика, лингвопрагматика, грамматическая лакуна, морфологическая категория рода, пейоративность, межкультурная коммуникация

Для цитирования: Акай О. М. Родовые корреляты как элиминация лакун // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 3. С. 780–787. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-780-787>

Введение

Впервые термин *лакуна* был применен авторами «Сопоставительной стилистики французского и английского языков» Ж.-П. Вине и Ж. Дабельне [1]. Передаваемое этим термином понятие оказалось наиболее востребованным в теории и практике перевода и межкультурной коммуникации [2–5]. Лакуна рассматривалась как межкультурный феномен, затрудняющий процесс перевода (в общем смысле весь процесс перевода представляется преодолением лакун – разнообразных барьеров, возникающих на пути адекватной передачи семантики и прагматики иноязычного текста) и межкультурную коммуникацию. В англоязычных же странах (кроме Канады) идеи Ж.-П. Вине и Ж. Дабельне остались практически неизвестными. Английский перевод «Сопоставительной стилистики

французского и английского языков» вышел спустя почти 40 лет после публикации оригинала, и в предисловии к этому переводу с сожалением констатируется, что французский оригинал книги постигла участь почти всех научных изданий, выходящих не на английском языке: она осталась за пределами внимания англо-американских лингвистов. В англоязычной науке термин *lacunology* получил совершенно иное значение, а именно: восстановление с помощью компьютерных технологий утраченных или не пригодных для чтения мест (лакун) в древних рукописях. В научных статьях на английском языке, где речь идет о межкультурных лакунах, для обозначения отрасли сопоставительной лингвокультурологии используется искусственно сконструированный и не вполне благозвучный термин *lacunaology*. Для обозначения лакуны

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-012-0016.

в английской литературе используется термин *gap*, случайные пробелы в речевых моделях обозначаются как *random notes in speech patterns*.

Как и большинство лингвистических терминов, обозначения *лакуна*, *лакунарность* далеки от однозначности и коррелируют (или просто смешиваются) с такими сущностями, как имплицитность, скрытые категории, нулевые знаки. В отдельных работах высказывались различные предложения, связанные с упорядочением терминологии в этой сфере, однако на сегодняшний день можно констатировать преобладание многозначности по типу метонимии: лакуна – это и само явление (=лакунарность), и единица, которая отсутствует вместо должествующего, т. е. виртуальная сущность. В обоих значениях лакуна имеет исключительно релятивный характер: термин приобретает смысл только тогда, когда некий объект сравнивают с неким шаблоном, оценивается относительно этого шаблона [6, с. 189–190]. Лакунарность охватывает все уровни, в том числе «верхние», т. е. предложение и текст, однако наибольшее исследовательское внимание, как правило, привлекают лексико-фразеологические лакуны.

Явление лакунарности пронизывает (в различных вариациях) всю знаковую деятельность. Но если в изучении лексических, лексико-стилистических, эмотивных лакун уже достигнуты существенные результаты, которые находят применение в практике перевода и – шире – межкультурной коммуникации, то грамматические лакуны (которые нередко оказываются грамматико-стилистическими) исследованы неизмеримо хуже. Между тем анализ явления грамматической лакунарности в качестве результата лингвоисторического опыта познания мира, исследование грамматических лакун как отражения наиболее существенных корреляций объективной действительности, мышления и языка не менее значимы, чем изучение лексических лакун.

Методы и материалы

Актуальность исследования лакунарности определяется тем, что годы разработок проблематики лакунарности пока мало приблизили лингвистическую теорию к ответу на важнейший вопрос о причинах существования межъязыковых и интраязыковых лакун.

Феномен лакунарности в высшей степени значим для языков мира. Вопросы лакунарности находятся на пересечении целого ряда общелингвистических проблем – прежде всего, интеллектуально-логического и когнитивно-прагматического аспектов интерпретации элементов языковой системы. Особый интерес представляют способы компенсации (элиминации, восполнения) грамматических лакун, когнитивная и лингвопрагматическая характеристика элиминированных лакун. Рассмотрим процесс и результат элиминации

грамматических лакун на примере морфологической категории рода одушевленных существительных.

В индоевропейском праязыке-основе реконструируются две родовые системы: противопоставление одушевленного – неодушевленного родов и противопоставление мужского – женского – среднего родов. Эти две системы принадлежат разным эпохам (вторая более поздняя), они гетерогенны. Впоследствии одушевленный род преобразовался в мужской и женский, а древний неодушевленный род получил значение среднего рода. «Вторичность» и производность женского рода в этой новой системе родов отчетливо проявляется в области семантического содержания родовых коррелятов, которые составляют привативную оппозицию: мужской род = весь предметный класс (родовое понятие), а не только мужской пол, в то время как женский род в соотносительных случаях указывает исключительно на женский пол. Именно этим обстоятельством обусловлена родовая лакунарность – отсутствие (во всяком случае в узусе) парных наименований женского рода.

Как известно, грамматика исследует законы, по которым наши мысли принимают материальную, языковую оболочку. Если Э. Сепир связывал наличие родов с «догмами бессознательного», с архаичными концептами, которые поддерживаются в современных языках инертностью грамматической формы» [7, с. 77–78], то А. А. Потебня отмечал, что «грамматический род принадлежит к числу общих человекообразных понятий (антропоморфических категорий), служащих для расчленения, приведения в порядок и усвоения всего содержания мысли» [8, с. 461]. Как убедительно показано в работах А. А. Потебни, формы мужского и женского рода никогда не бывают системно пустыми, они сохраняют свое категориальное значение даже в том случае, если они характеризуют неодушевленные существительные, что прекрасно видно при поэтическом использовании таких слов (при олицетворении или сравнении). Тем более семантически значим род у одушевленных существительных – у антропонимов и зоонимов.

Типизированным стилистическим приемом стало сопоставление грамматического рода неодушевленного существительного и гендерных характеристик лица. Например, заголовок статьи «Валентина Матвиенко: "Мне никогда не делали скидок на то, что я женщина"», а также фрагмент текста (интервью с председателем Совета Федерации Валентиной Матвиенко):

– Вы не раз обращали внимание на то, что в России во власти мало женщин. Может, следует ввести квоты в руководстве партий, структур власти? Ведь слово «власть» – женского рода.

– Вы правы, слово «власть» – женского рода, но на протяжении веков лицо ее было по преимуществу мужским.

Женщины во главе государства, правительства, в политике были исключением (Аргументы и факты. 05.06.2019. № 23).

Элиминированные единицы, связанные с категорией рода, слабо изучены с точки зрения их прагматических возможностей в языке. Между тем только в самых элементарных случаях элиминированные единицы (или их отсутствие) объясняются очевидными экстралингвистическими причинами (ср. наличие в латинском гендерных коррелятов типа *orator – oratrix, fabricator – fabricatrix, piscator – piscatrix, sartor – sartrix* и их отсутствие в случаях типа мужских наименований типа *senator, falcarius, pictor, sutor, iudex* и женских типа *lanifica, vestlis, visticlica*). Различия же, например, в современном русском и в современном болгарском языках с точки зрения семантизации гендерного компонента далеко не так очевидны (в болгарском, как известно, суффикс -к- с морфонетической точки зрения беспрепятственно присоединяется к различным по происхождению и составу словам (причем женские корреляты типа *авиаторка, авторка, бригадирка, директорка, министрка, музиковедка* в стилистическом плане абсолютно нейтральны).

В русском языке последних десятилетий количественный рост имен, называющих лиц по профессиям, в которых заняты в том числе и женщины (*брокер, дилер, джоббер, дистрибьютор, менеджер, мерчендайзер, риэлтор* и под.), мало влияет на образование параллельных наименований женского рода (особенно в стандартном варианте литературного языка). Ср.:

У нас предостаточно слов, не имеющих необходимых параллельных образований. «Врач», «доцент», «редактор», «менеджер» – из этих «мужских» слов боги языка, к сожалению, не вынули по ребру, чтобы изготовить женские варианты (Новиков В. И. Роман с языком).

В немецком языке наблюдается более прямолинейная связь между распространенностью профессии среди женщин и компенсацией лакуны. В 1987 г. были изменены формуляры переписи населения Германии: женщины могли указывать названия профессий в женском роде при помощи суффикса *-in: Facharbeiterin, Richterin, Journalistin*. Затем было принято следующее написание: *Richter + Richterin = Richterln* [9, с. 125].

Итак, далеко не каждое одушевленное существительное имеет родовую грамему с однозначным номинативным наполнением. Одушевленные существительные-эпицены типа *бурундук, соболь, ласка, выдра*, а также названия детенышей животных типа *котенок*, различение которых по полу обычно несущественно для человека, все без исключения разбиты по родовым грамматическим классам. Форма рода в этих случаях асемантична, поскольку реально подобными именами могут быть обозначены существа как мужского

пола, так и женского [10, с. 93]. При отсутствии номинативной значимости родовых категориальных форм жестко обязательны формальные средства выражения рода, прежде всего – синтагматические, поэтому нередко говорится о синтаксическом характере категории рода, о том, что он служит главным образом для запуска формальных механизмов синтаксиса.

Однако, с когнитивной точки зрения маркеры рода выступают частью «конструктивной схемы» существительных: в составе словоформ одушевленных существительных они служат для выражения семантики пола, а в рамках неодушевленных существительных любой родовой маркер имеет, как считает Р. Лангакер, значение «предмет», т. е. эквивалентен когнитивной схеме всего класса существительных [11, р. 306].

В словарях русского языка не более 7 % существительных, однозначно информирующих о мужском поле (*дедушка, тенор, мерин*), и не более 1,5 %, однозначно информирующих о женском поле (*графиня, роженица, львица*) [12, с. 19]. Возможно, именно малочисленность существительных, однозначно указывающих на пол, делает актуальными коррелятивные формы – отсутствующие в узусе, однако, при необходимых условиях всегда готовые к использованию и всегда однозначно (с точки зрения семантики) понимаемые. Прагматика же этих форм в высшей степени разнообразна и зависит от совокупности факторов как собственно лингвистических (текстовых), так и экстралингвистических (социальных).

Результаты

В трудах, анализирующих лингвопрагматические характеристики коррелятивных форм рода антропонимов [9; 13–15], отмечается, что чаще всего такие формы связаны с пейоративностью, ср.:

Надвигается 82 года. Была вчера врача NN, которая, очевидно, и уложит меня в гроб. Она сказала, что в моей истории болезни записано: считает себя здоровым! Нет, я считаю себя очень больным, но, ненавидя лечиться, не желая, чтобы врача (очень тупая) надоела мне ежедневными визитами, я ежедневно говорю ей: – Чувствую себя превосходно (Чуковский К. И. Дневники).

Через пару месяцев, впрочем, у этой служебной и, по советам, давно подлежащей списанию мебели обнаружилась более законная хозяйка – вернувшаяся после годового пребывания в Польше энергичная докторица наших наук. <... > Можно, конечно, терзать душу провалами «Спартак» или нашей сборной, а можно ту же энергию потратить на то, чтобы болеть за свою единственную жену, не игрово, а всерьез борющуюся с замдиректоршей института. <... > Пожилые доктор и докторши наук почему-то обращались к молодой

и абсолютно уверенной в себе писательнице как к некоей пифии... (Новиков В. И. Роман с языком).

Элиминированная единица, вынесенная в заголовочную позицию, особенно ярко коннотирует пейоративные смыслы. Ср. рассказ А. П. Чехова «Юристка», где речь идет о дочери европейского министра, помогавшей своему родителю в составлении диких законопроектов.

Женские корреляты зоонимов, конечно, не связываются однозначно с отрицательной экспрессией. Все эти крокодилы, бегемоты и под. – обычные персонажи, например, детской литературы, где они, естественно, никакой отрицательной экспрессии не несут: Крокодилица, Его детушек кормилица, поилица (Чуковский К. И. Крокодил); Лыют жираф с жирафихой слезы крокодилы (Высоцкий В. С. Песенка про жирафа). Для формирования пейоративности нужны дополнительные средства. Ср. эпиграмму А. Архангельского на И. Эренбурга, где отрицательная экспрессия создается за счет таких женских коррелятов:

У Эренбурга скромный вид,
Ему несвойственна шумиха.
Фундаментален, как слониха,
И, как крольчиха, плодовит.

Плодовитость – это в общем похвальное свойство (писателя в том числе); иное дело – как крольчиха, плодовит; а фундаментален в сочетании с зооморфным сравнением и вовсе теряет мелиоративность.

Пейоративностью (в разных ее проявлениях), разумеется, не исчерпывается прагматика элиминированных лакун. Ср. в «Дневниках» К. И. Чуковского форму *врачиха*, которая с точки зрения коннотационных свойств абсолютно нейтральна, но отлично передает разговорные приметы речи (воспроизводятся «новости»):

От Вирты – естественный переход к Сурову, который дал по морде и раскрыл череп своему шоферу и, когда пришла врачиха, обложил ее матом. Сейчас его исключили из партии – и из Союза писателей (Чуковский К. И. Дневники). Ср. также:

А еще через несколько дней жена потеряла сознание. Николай Михайлович похлопал ее по щекам, потом облил холодной водой. Она медленно тяжело очнулась.

– Что, за фельдшершей? – спросил Елтышев, помогая ей добраться до кровати.

– Да что она... В больницу надо... (Сенчин Р. В. Елтышевы).

В разговорной речи, как видим, при референциальном использовании предпочтительнее оказывается коррелят женского рода (даже труднопроизносимый – *фельдшерша*).

Род существительных, как правило, не относят к разряду коммуникативно обусловленных категорий: даже в исследованиях, которые опираются на идеи коммуникативно ориентированной грамматики, род определяется только на формально-синтаксических основаниях. Категория рода исследуется вне составляющих акта коммуникации, поскольку правила согласования по роду являются обязательным условием грамматической правильности. Род, конечно, участвует в структурировании текста в качестве параметра когезии: отношения анафорической когезии теснейшим образом опираются на номинативный или синтаксический элементы грамматической семантики антецедента-существительного: тождество рода (и числа) является минимальным условием кореферентности имени и местоимения. Однако обеспечением связности текста роль категории рода отнюдь не исчерпывается [16].

Выбор формы рода – стандартного мужского или элиминированной лакуны (т. е. женского) – нередко определяется именно условиями коммуникации. С. Г. Мамечков [12, с. 12–13], основываясь на идеях М. В. Панова [17, с. 78; 18, с. 190] и Е. В. Клобукова [19, с. 25–28; 20, с. 72], пишет о внутреннем и внешнем контекстах, обуславливающих особенности форм грамматического рода. Под внутренним контекстом категориальной грамматической формы (граммемы) имеется в виду совокупность лексико-семантических свойств слова и грамматических факторов. Итак, внутренний контекст обуславливают следующие факторы: 1) лексическая семантика основы (антропонимы, зоонимы, мифонимы); 2) референциальные свойства имен (конкретно-референтное, неконкретно-референтное, неререферентное употребление). Внешний контекст для граммемы рода составляют: 1) тип языковой функции, реализуемый в высказывании (коммуникативная, номинативная, креативная); 2) тип коммуникативной ситуации (определяется целью и характером участников коммуникации); 3) различие детской и взрослой речи; 4) режим интерпретации высказывания; 5) речевой жанр; 6) коммуникативный регистр речи.

Большинство этих факторов значимы и для оценки элиминации родовых лакун – женских коррелятов одушевленных имен. Лексическая семантика (и соответственно – денотативная, референциальная отнесенность) определяет степень востребованности коррелята. Ясно, что активная элиминация в случае слова *ткач* обусловлена референциальной соотносительностью и значимостью соответствующей профессии, что меняется в диахронии (ср. 9 единиц в Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля – *ткаельница, ткачиха, ткачка, ткаля, ткаха,*

тка, точья, ткалиха, тчя¹; 4 единицы в Словаре русского языкового расширения А. И. Солженицына – *ткаля, ткаха, ткалиха, точья* (как известно, в этом словаре собраны редкие или вовсе забытые слова, которые, по мысли автора, «не заслуживают преждевременной смерти», и потому читателю напоминают о них, чтобы они хотя бы изредка использовались в речи)².

Чрезвычайно важно и различие конкретно-референтного использования и нереферентного употребления. Еще М. В. Панов проанализировал предложения: *Почтальон принес письмо – Почтальонша принесла письмо* – и сделал вывод о том, что здесь различия не только (и не столько) связаны с категориями рода-пола, сколько с общей прагматикой высказываний, в которых использованы эти родовые корреляты. Эти два предложения связаны с разными целями высказывания: первое сообщение уместно, когда главное в нем само письмо, а не кто его принес. Так как именно такая прагматическая установка наиболее обычна, более частотным является именно первый вариант. Во втором случае актуализируется субъект действия, т. е. налицо референтное употребление, и потому выбирается элиминированная форма [18, с. 238].

Естественно, важно различие стандартного и нацеленного на креатив высказывания. Хорошо известно, что в стандартном (тем более официально-деловом) тексте элиминированные родовые лакуны почти отсутствуют, и никаких изменений в этой сфере не наблюдается. В документах по-прежнему фигурируют *учитель, юрист, врач, инженер* и т. д. как немаркированные члены родовой оппозиции, способные передавать семантику как мужского, так и женского пола. Впрочем, в парах *студент / студентка, школьник / школьница, выпускник / выпускница, дипломник / дипломница* как немаркированная единица может использоваться только форма множественного числа. В единственном числе независимо от стиля, речевого жанра, общей целеустановки высказывания и частных интенций отправителя речи для обозначения лиц женского пола употребляется только элиминированная форма, ср. в предисловии к вузовскому учебнику: *Выражаю благодарность моим дипломницам О. Бураковой и Д. Курило за помощь в сборе материала по концептам «война» и «зимняя ночь»* [21, с. 5].

Существенен и состав участников акта коммуникации. Еще А. Т. Твардовский заметил, что слова *повар – повариха* вполне нейтральны по отношению к конкретному повару Ивановой, если она не присутствует при разговоре, но в присутствии человека женский коррелят оскорбителен [13].

Актуально противопоставление детской и взрослой речи. *Врачиха*, если это не в детской речи (характеризующей гиперрегулярными соответствиями между родом существительного, даже неодушевленного, и биологическим полом), звучит обидно.

Элиминированная форма, особенно редкая, может служить для обозначения присутствия в авторском тексте чужого сознания, чужого аспекта, а также чуждых для повествователя форм речи, т. е. быть знаком несобственно-прямой речи:

«Очень может быть», – заключила Варвара Тимофеевна и скучно посмотрела на врачиху. Врачиха была хоть и полная, но какая-то худая (Токарева В. С. Центр памяти).

Присутствие в авторском тексте чужого сознания, чужого аспекта и чужого голоса, чужих и чуждых для повествователя форм речи выявляется на уровне образования коррелятивной родовой формы – элиминированной лакуны.

Наконец, продуктивность и значимость для языкового сознания элиминированных форм определяется комплексом экстралингвистических факторов. Об этом красноречиво свидетельствуют следующие факты. В Словаре В. И. Даля соотносительные суффиксальные названия женщин составляют одну четвертую по отношению к общей сумме зафиксированных названий лиц. В комментариях к *косариха* В. И. Даль указывает: «Косьба и молотьба у нас работы мужские, но местами бабы косят и молотят». После революции идут на убыль имена со значением «жена по профессии мужа» (как отражающие зависимость, социальное неравенство женщин), но приобрели необыкновенную популярность образования с суффиксом *-к-*, отражающие новые профессии женщин, а также новым творимым мифам. В 30-е гг. в главном иллюстративном журнале страны «Огонек» не найти заметок о политических процессах, зато очень много портретов советских людей, и на 70 % это портреты женщин: трактористки и машинистки, втузовки и вузовки, снявшие паранжу узбечки и гордые горянки излучают бесконечное счастье и энтузиазм [22].

В способах элиминирования интраязыковых лакун в художественных текстах ярко проявляется языковая личность автора. Так, А. И. Солженицын последовательно применяет женские корреляты, и в этом проявляется не только стремление к точной номинации, но прежде всего – желание уйти от одного из характерных свойств тоталитарного языка с его нивелировкой людей. У А. И. Солженицына находим элиминированные лакуны даже в случае номинации воинского звания: *Лейтенант написал записку и передал*

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 1-е изд. М., 1866. Ч. 4. С. 372.

² Русский словарь языкового расширения / сост. А. И. Солженицын. 3-е изд. М.: Русский путь, 2000. С. 241.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-3-780-787

ее Тоне, татарочке из акустической, тоже лейтенантке (Солженицын А. И. В круге первом).

Естественно, что наиболее актуальные элиминированные лакуны вследствие своей частотности могут изменить свой статус и превратиться в системные образования, соответствующие общей грамматической норме. Однако по большей части они остаются вне узуса и появляются отнюдь не для стандартной передачи информации, а для выражения разного рода прагматических сознаний [23, с. 23].

Заключение

Элиминацию грамматических лакун продуктивно рассматривать как лингвокреативную деятельность, и результаты этой деятельности необходимо тщательно анализировать с точки зрения обуславливающих факторов. Интраязыковые лакуны на базе категории рода – это образования, узואльно

не закрепленные в языке, но потенциально готовые к речевой реализации. Они выделяются на основании соотношения существительного мужского рода с коррелятивным существительным женского рода, не имеющим материального выражения в языке, но обладающим способностью обрести его в контекстном употреблении. Системное отсутствие языковых единиц способствует прояснению их прагматических характеристик. Мера перспективности элиминированных лакун зависит от многих факторов текстообразования. Элиминированные лакуны реализуют семантические установки текста, соотносятся с языковой картиной мира автора и возможных реципиентов, являются результатом предпочтений отправителя текста. Контекст элиминированной лакуны (и микроконтекст, и широкий контекст ситуации) позволяет судить о ее креативном потенциале и прагматических возможностях.

Литература

1. Vinay J. P., Darbelnet J. *Stylistique comparée du français et de l'anglais. Méthode de traduction*. Paris: Didier; Montreal: Beauchemin, 1958. 331 p.
2. Бекасов М. Д. Статус понятия лакуны в теории перевода // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. № 588. С. 9–17.
3. Глазачева Н. Л. Модель лакунизации как составляющая теории перевода (на примере русского и китайского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2006. 18 с.
4. Коптева О. В. Лакунарность как познавательный подход в межкультурных исследованиях // Проблемы прикладной лингвистики: сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Пенза: Приволжский Дом знаний, 2008. С. 106–108.
5. Марковина И. Ю., Сорокин Ю. А. Культура и текст. Введение в лакунологию. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. 144 с.
6. Дымарский М. Я. Возможна ли онтологическая интерпретация понятия лакуны? // Лакунарность в языке, картине мира, словаре и тексте. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2009. С. 189–195.
7. Сепир Э. Язык // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. С. 26–203.
8. Потевня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 3. Об изменении значения и заменах существительного. М.: Просвещение, 1968. 551 с.
9. Лазарев В. А. Морфологические категории: антропоцентрический и лингвокультурологический аспекты интерпретации. Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2009. 256 с.
10. Брусенская Л. А. Многообразие нормы или грамматическая ошибка? // Русский язык в школе. 2000. № 4. С. 90–94.
11. Langacker R. W. *Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar*. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 1991. 395 p.
12. Мамечков С. Г. Функционально-семантическое поле биологического пола в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 437 с.
13. Ласкова М. В. Грамматическая категория рода в аспекте гендерной лингвистики: дис. ... д-ра филол. наук. Ростов н/Д, 2001. 188 с.
14. Малащенко М. В. Имя в парадигмах лингвопрагматики. Ростов н/Д: Ростовский гос. ун-т, 2003. 312 с.
15. Куликова Э. Г. Лингвистическая и паралингвистическая нормы в современной ситуации общения // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1. С. 86–91.
16. Брусенская Л. А., Куликова Э. Г. Экологическая лингвистика. М.: Флинта; Наука, 2016. 184 с.
17. Панов М. В. О позиционном чередовании грамматических значений // Типология и грамматика / отв. ред. В. С. Храковский. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 75–89.
18. Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. М.: Наука, Языки русской культуры, 1999. 275 с.
19. Клобуков Е. В. Теоретические основы изучения морфологических категорий русского языка (морфологические категории в системе языка и в дискурсе): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1995. 74 с.
20. Клобуков Е. В. Теоретические проблемы русской морфологии. М.: Изд-во МГУ, 1979. 96 с.

21. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Мн.: ТетраСистемс, 2004. 256 с.
22. Мелихова Е. В. Проблемы лексикографирования конструкта «гендер» (на материале русского языка): дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2008. 157 с.
23. Марковина И. Ю. Элиминирование лакун как действие социально-психологических механизмов «притяжения» и «отталкивания» // Вопросы психолингвистики. 2006. № 3. С. 12–33.

Generic Correlates as Lakunae Elimination*

Oksana M. Akay^{a, @, ID}

^a Rostov State Economic University, 69, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344007, Russia

@ oksanaakay@gmail.com

ID <https://orcid.org/0000-0003-2773-5384>

Received 05.03.2019. Accepted 11.06.2019.

Abstract: There is a large scatter of ideas about lacunae in modern linguistics. The lacuna phenomenon can be defined as a sign, a fixing principle of the presence / absence of an object or phenomenon; the phenomenon of absence in discourse, discursive omissions; differences, contradictions in the semantic sphere, revealed in communication, acts of misunderstanding; non-equivalent vocabulary, reality, white spots on the semantic map; zero correlate, dark holes; national specific differences between languages; virtual units, etc. If we assume that the lacuna is not a figment of imagination, but a unit that objectively exists in a language, it becomes obvious that it is impossible to mentally insert an infinite number of alien units into the language system. Thus, it would be wrong to identify the presence of lacunae in a language on this basis. The ideas of multi-level lacunarity are multiplying in works related to translation studies and intercultural communication. Particular attention should be given to grammatical lacunae, manifested in the linguistic gender. Feminine generic correlates of animated masculine names are productively analyzed as intralingual grammatical lacunae. The study of these forms in the paradigm of the theory of lacunarity makes it possible to focus on their pragmatic properties, since the systemic absence of linguistic units helps to clarify their linguistic-pragmatic characteristics. The following methods were used to study generic correlates as lacunae elimination. The method of privative oppositions was employed to study changing / unchangeable lexical units; the modeling method and the psycholinguistic method were used to study fragments of linguistic consciousness in native speakers and to detect the psychological component in the semantics of words. Based on the study of semantic-cognitive characteristics of language lacunae, their fundamental ambiguity and heterogeneity, it seems legitimate to isolate a specific area of the linguistic field called lacunology.

Keywords: grammar, linguo-pragmatics, grammatical lacuna, morphological category of the gender, pejorativity, intercultural communication

For citation: Akay O. M. Generic Correlates as Lakunae Elimination. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(3): 780–787. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-780-787>

References

1. Vinay J. P., Darbelnet J. *Stylistique comparée du français et de l'anglais. Méthode de traduction*. Paris: Didier; Montreal: Beauchemin, 1958, 331.
2. Bekasov M. D. The status of the term "lacune" in comparative linguistics and theory of translation. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2010, (588): 9–17. (In Russ.)
3. Glazacheva N. L. *The lacunization model as a component of the theory of translation in Russian and Chinese*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Barnaul, 2006, 18. (In Russ.)

* The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, research project No. 19-012-0016.

4. Kopteva O. V. *Lacunarity as a cognitive approach in intercultural research. Problems of Applied Linguistics: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf. Penza: Privolzhskii dom znani, 2008, 106–108. (In Russ.)*
5. Markovina I. Iu., Sorokin Iu. A. *Culture and text. Introduction to lacunology: study guide. Moscow: GEOTAR-Media, 2010, 144. (In Russ.)*
6. Dymarskii M. Ia. Is an ontological interpretation of the concept of lacuna possible? *Lacunarity in Language, Picture of the World, Dictionary and Text. Novosibirsk: Izd-vo NGPU, 2009, 189–195. (In Russ.)*
7. Sapir E. *Selected works on linguistics and cultural studies. Moscow: Progress, 1993, 26–203. (In Russ.)*
8. Potebnia A. A. *From notes on Russian grammar. Vol. 3. On Changing the Meaning and Substitutions of a Noun. Moscow: Prosveshchenie, 1968, 551. (In Russ.)*
9. Lazarev V. A. *Morphological categories: anthropocentric and linguacultural aspects of interpretation. Rostov-on-Don: IPO PI IUUFU, 2009, 256. (In Russ.)*
10. Brusenskaia L. A. Variety norm or grammatical error? *Russkii iazyk v shkole, 2000, (4): 90–94. (In Russ.)*
11. Langacker R. W. *Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. Berlin, N. Y.: Mouton de Gruyter, 1991, 395.*
12. Mamechikov S. G. *Functional-semantic field of biological sex in modern Russian. Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2010, 437. (In Russ.)*
13. Laskova M. V. *Grammatical category of gender in the aspect of gender linguistics. Dr. Philol. Sci. Diss. Rostov-on-Don, 2001, 302. (In Russ.)*
14. Malaschenko M. V. *Name in the linguopragmatic paradigms. Rostov-on-Don: Rostovskii gos. un-t, 2003, 312. (In Russ.)*
15. Kulikova E. G. Linguistic and paralinguistic norms in the modern situation of communication. *Bulletin of Chelyabinsk State University, 2013, (1): 86–91. (In Russ.)*
16. Brusenskaia L. A., Kulikova E. G. *Environmental linguistics. Moscow: Flinta; Nauka, 2016, 184. (In Russ.)*
17. Panov M. V. On the positional alternation of grammatical meanings. *Typology and grammar, ed. Khrakovskii V. S. Moscow: Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1991, 75–89. (In Russ.)*
18. Panov M. V. *Positional morphology of the Russian language. Moscow: Nauka, Iazyki russkoi kultury, 1999, 275. (In Russ.)*
19. Klobukov E. V. *Theoretical foundations of the study of the morphological categories of the Russian language (morphological categories in the system of language and in discourse). Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 1995, 74. (In Russ.)*
20. Klobukov E. V. *Theoretical problems of Russian morphology. Moscow: Izd-vo MGU, 1979, 96. (In Russ.)*
21. Maslova V. A. *Cognitive linguistics. Minsk: TetraSystems, 2004, 256. (In Russ.)*
22. Melikhova E. V. *Problems of lexicography of the construct "gender" in the Russian language. Cand. Philol. Sci. Diss. Rostov-on-Don, 2008, 157. (In Russ.)*
23. Markovina I. Iu. The elimination of lacunae as an action of the socio-psychological mechanisms of "attraction" and "repulsion". *Journal of psycholinguistics, 2006, (3): 12–33. (In Russ.)*